

Как вы теперь поживаете?

Вахтанг Кикабидзе:

Визит Москва
1996. — 15 февр. —
95

«Я учился в школе 14 лет»

Когда я говорю, что является моим первым детским воспоминанием, это приводит людей в состояние замешательства. Причем глубокого. Они-то, порывшись в своем прошлом, могут откопать там что-то вроде колыбельной, слышанной от матери, или своих тренировок в различных «агу» и «уа». Я же почему-то вспоминаю бархатный грузинский голос, напевающий «чито-гврито, чито-маргалито». (Кстати, а что же это все-таки означает?..)*. То ли песня мне так нравилась, то ли в моем доме так любили Вахтанга Кикабидзе, но факт остается фактом. И вот, спустя лет эдак восемнадцать, я беседую с исполнителем этой, первой на моей памяти, песни. Хотя повод для разговора у нас, конечно, другой. После долгого перерыва Вахтанг Кикабидзе снова вышел на сцену и готовит к 8 Марта альбом своих старых и новых песен под названием «Ларису Ивановну хочу!».

— Вахтанг Константинович, когда вы впервые приехали в Москву?

— Давно это было. Так давно, что я даже не вспомню.

— Вы приехали учиться?

— Нет, с учебой у меня всегда плохо было. Я был тяжелым мальчиком, в школе просидел целых четырнадцать лет. Потом поступил на факультет иностранных языков. Сбежал. Со второго курса сбежал на эстраду.

— Значит, тогда все и началось?

— Началось намного раньше, когда меня буквально с улицы затащили в самодеятельность. И я заболел сценой. С тех пор — с 59-го года — пою, катаюсь с гастрольями по стране. Нас, таких «долгоиграющих», всего двое на эстраде. Еще Кобзон.

— Только Кобзон не снимается в кино...

— Я тоже не собирался. Мне предложили сниматься совершенно неожиданно. Пригласили на роль в одной картине. Почему? Просто я был популярным среди молодежи, узнаваемым... Но это не было началом моей кинокарьеры: фильм особенной популярности не пользовался. Все началось с Георгия Данелия, который после долгих-долгих мучений взял меня на главную роль в фильме «Не горюй!» Был успех, были премии — наши, международные...

— Не захотелось после этого окончательно переключиться на киноактеры?

— Нет. Кино для меня — это что-то случайное, а эстрада — это все. Я очень ответственно отношусь к своему делу. За много-много лет я не сорвал ни одного концерта, хотя всякое случалось — болезнь, температура... Были случаи, когда перед выходом на сцену мне делали укол, чтобы я смог допеть концерт до конца.

— Вам никогда не хотелось уйти со сцены?

— Я прекрасно понимаю, что для нас, как и для спортсменов, важно вовремя уйти. Правда, спортсменам тяжелее: их век короток. Мой век пока что длится, но если мне скажут, что пора, мол, и честь знать, я пойму и уйду. Я очень трезво отношусь к таким вещам.

— Но один раз вы уже уходили. Это, как я понимаю, был отпуск?

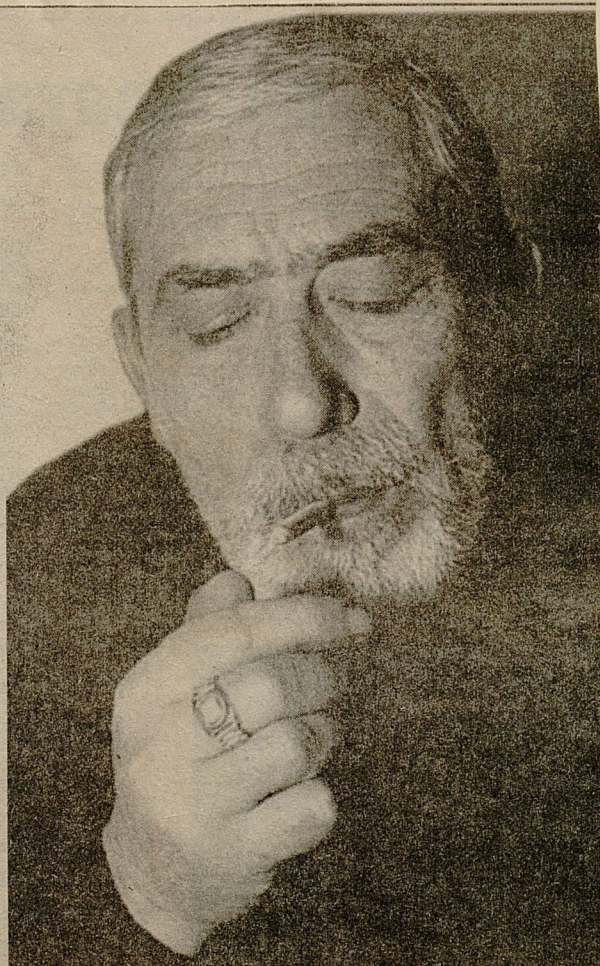
— Да, отпуск длиною в пять лет. Когда я решил вернуться — без раскрутки, без рекламы, — критики очень скептически к этому отнеслись. Но я все-таки вернулся. И стал еще больше уважать себя за это.

— Может быть, вам эта раскрутка и не нужна?

— Трудно сказать. По-моему, она всем сейчас нужна. Только не надо раскручивать тех, кому это не помогает. У нас сейчас очень много звезд появилось, раньше такого не было. Да и понятия такого — «звезда» — не было. Звезды были на Западе. Сейчас эти звезды старше меня лет на пятнадцать, и их там на руках носят. У нас такого нет. Мы друг друга любить не умеем.

— Наши звезды, где бы они ни родились, всегда стремятся перебраться в Москву. У вас тоже есть свой дом в столице?

— Нет, потому что мой дом в Грузии. Я там родился и по сей день там живу. Такие вещи нельзя забывать — откуда ты родом, кто твои родители.

— Тогда вас, наверное, не может не волновать то, что происходит в вашем доме...

— События в Грузии были как раз той причиной, по которой меня пять лет не было на сцене. На известных артистов, спортсменов, художников люди смотрят и идут за ними. Наша республика маленькая, и там можно по пальцам перечислить тех людей, о которых я говорю. Я просто никакого права не имел уезжать оттуда, потому что моему слову, как слову представителя интеллигенции, верят. Потом из-за этого у меня много неприятностей было, ведь во всем всегда обвиняют интеллигенцию... И, знаете, я помню лица людей, которые учинили эти беспорядки и рознь в Грузии. Они были очень похожи на лица тех, кто то же самое учинял в Москве (я видел их по телевизору, я тогда не отходил от экрана). Они похожи друг на друга так, будто сошли с конвейера. Я бы не хотел, чтобы такие лица были в правительстве. Это опасные люди, они заботятся только о себе, а не о народе. Есть такое гениальное русское выражение «из грязи в князи» — так вот это о них. Мне кажется, что уже настала пора не о кресле думать, а о доме, о сыне, о дочери, о внуке — вообще о человеке...

— Сейчас вы снова поете, и это значит...

— ...что в Грузии наступила относительная стабилизация. (Я был бы неправ, если бы не сказал, что это заслуга нашего президента Шеварднадзе.) А я снова занимаюсь своим делом.

— Что, кроме работы, связывает вас с Москвой?

— Мои друзья, которые все то время, когда у меня на родине было спокойно, звали меня и мою семью к себе, чтобы как-то оградить меня от этого. Вообще-то считается, что у человека не может, не должно быть много друзей, но это не про меня. У меня их действительно много, и я все время ощущаю их любовь. Поэтому я могу считать себя счастливым.

— Вы удачливый человек?

— Да, везение мне сопутствует. Может быть, потому, что я никогда не теряю ощущения детства, того задора, когда чувствуешь, что можешь взлететь на двадцать первый этаж без лифта.

— И в вашей жизни все складывается так, как вы хотели?

— В работе, в личной жизни — да. У меня семья, двое внуков (оба пацаны, хорошие дети) и дом, который всегда полон гостей, несмотря на свои скромные габариты. Я, конечно, мог бы иметь большой дом, но никогда в жизни не пользовался привилегиями. Я считаю, что если у тебя все живы-здоровы, то нужно заниматься проблемами друзей. И друзья тебе тоже помогут, когда это будет необходимо. А если говорить не о себе... Вы знаете, у меня давно, еще с тех пор, когда я за границей представлял Советский Союз, была мечта, чтобы в нашем правительстве были красивые люди. Чтобы они умели носить костюм, уверенно чувствовать себя за столом, на котором очень много разных ножей и вилок. Чтобы они были цивилизованными. Будет ли так когда-нибудь? Я верю, что будет.

Лариса ХАВКИНА

*) На русский это можно перевести примерно как «птичка-невеличка, птичка-красавица».